

УДК 351/354

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ШПИОНАЖ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Агеев Александр Иванович,

д-р экон. наук, профессор, академик РАН, генеральный директор Института экономических стратегий РАН, Москва, Россия

ageev@inesnet.ru

Аннотация. Подготовка военных стратегий и собственно боевые действия в обеих мировых войнах XX в. разворачивались вокруг трех узлов экономических интересов: 1) монополизация доступа к рынкам сбыта и источникам поставок энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, технологий и в особенности продовольствия; 2) контроль транспортных (коммуникационных) узлов и артерий; 3) контроль или создание заново институтов регулирования международных отношений и мировых потоков товаров, услуг, технологий, рабочей силы и капитала [1–3]. Эти экономические в своей основе аргументы предопределяли военные планы сторон, в том числе задачи для экономической разведки. До Первой мировой войны все великие державы едва успели сформировать некоторые элементы экономической разведки, выросшей в основном из недр военной или военно-морской разведки, а также информационно-аналитических подразделений ведомств в области иностранных дел, финансов и почты. С началом войны и ее перерастанием в фазу борьбы на истощение значение информации об экономическом потенциале и противников, и союзников заметно возрастало, стимулируя приток в сферу экономической разведки дополнительных сил и средств.

В настоящей статье представлены результаты исследования эволюции, организации и результатов экономического шпионажа ведущих стран противостоящих коалиций в Первой мировой войне. В качестве сравнительно подробного примера приведены данные по работе германской экономической разведки.

Ключевые слова: Первая мировая война; разведка; экономический шпионаж; Германия; Россия; информация; государство; конкуренция.

ECONOMIC ESPIONAGE IN THE FIRST WORLD WAR

Ageev A.I.,

Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director General, Russian Academy of Sciences Institute for Economic Strategies, Moscow, Russia

ageev@inesnet.ru

Abstract. Preparation of military strategies and actual military operations in both world wars of the 20th century unfolded around three knots of economic interests: 1) monopolization of access to market outlets and sources of supply of energy and mineral resources, technologies and, in particular, food; 2) control of transport (communication) hubs and thoroughfares; 3) control or re-establishment of institutions for regulating international relations and the world flows of goods, services, technology, labor and capital [1–3]. These basically economic arguments predetermined the military plans of the parties, including tasks for economic intelligence. Before the First World War, all the great powers had just managed to form some elements of economic intelligence, which grew mainly from the depths of military or naval intelligence, as well as information and analytical divisions of departments in the fields of foreign affairs, finance and mail. With the onset of the war and its escalation into a phase of fight to the

attrition, the importance of information about the economic potential of both adversaries and allies has increased markedly, stimulating the flow of additional forces and means into the sphere of economic intelligence.

This article presents the results of a study of the evolution, organization and results of economic espionage of the leading countries of opposing coalitions in the First World War. As a relatively detailed example, data on the performance of the German economic intelligence are given.

Keywords: World War I; intelligence; economic espionage; Germany; Russia; information; state; competition.

ВВЕДЕНИЕ

Оценивать сравнительную эффективность экономической разведки сторон по итогам войны в отрыве от других видов разведки было бы некорректно. Но то, что этот вклад был немаловажным, а результаты не всегда ожидаемыми, а возможно, и противоположными замыслам, несомненно. Какому бы скептицизму ни подвергали вклад разведки в победу или поражение своей страны, — и военную, и политическую, и экономическую роль она сыграла, хотя эта роль была преимущественно за кулисами событий и проявлялась не сразу. Полная ожесточения и изысканного коварства «битва разведок» в ходе Второй мировой войны закладывалась именно в рассматриваемый период.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ СТОРОН

В отношении каждого из трех узлов экономических интересов у правящих кругов великих держав того времени складывалась нарастающая неудовлетворенность их текущим состоянием. В военных, деловых и общественных структурах активно разрабатывались доктрины желаемого образа реальности и способов его достижения в своих интересах. При этом все стороны имели существенные искажения в точности восприятия намерений и потенциалов друг друга и, соответственно, возможностей и рисков достижения своих целей. Неслучайно поведение европейских политиков 1914 г. вполне справедливо сравнивают с поведением «лунатиков, бдительных, но незрячих, охваченных иллюзиями и не сознающих всю реальность того ужаса, в который они были готовы ввергнуть мир» [4]. Во многом такое состояние было связано с качеством, в частности разведывательной деятельности, хотя очевидно, что не разведчики принимают финальные стратегические решения.

Изменчивость и неадекватность в восприятии ситуации характеризовали не только верхи, но и общественность, широкие массы во всех странах. Сама информационная атмосфера в обществе с приглушенными до поры до времени противоречиями и нерешенными социально-политическими

вопросами позволяет размножаться всякого рода информационным фантомам. Как свидетельствовал А.И. Спиридович, «в первые дни войны в Петербурге заговорили о шпионаже немцев. Имя графини Клейнмихель, у которой будто бы был политический салон, где немцы черпали нужные сведения, было у всех на устах. Рассказывали, что ее арестовали. Говорили, что за измену расстреляли бывшего градоначальника. Все это были досужие сплетни, вздор, но им верили. Были даже очевидцы расстрела» [5]. Аналогичные эпидемии паники и слухов наблюдались во всех воюющих странах.

Стремительное экономическое и научно-техническое развитие в три десятилетия, предшествующие войне, быстро взвинтило притязания правящих кругов ведущих государств. Это проявилось, например, в плане создания «более Великой Британии». Превосходство военно-морского флота его величества позволяло обеспечить достаточную защищенность собственно островов и рассматривать приоритетными театры военных действий в континентальной Европе, Средиземноморье, Северной Африке и на Ближнем Востоке, которые обеспечивали транспортные коммуникации с «жемчужиной империи» — Индией.

В Германии проектировали создание «Великой Германии», «Срединной Европы», которая бы охватила Австро-Венгрию, Балканы, Переднюю Азию, Прибалтику, Скандинавию, Бельгию, Голландию, часть Франции, а также колонии в Африке, в бассейне Тихого океана и в Южной Америке.

Франция стремилась не только вернуть Эльзас и Лотарингию, но и захватить Рурский бассейн и расширить колониальные владения в Африке за счет немецких. Австро-Венгрия добивалась разгрома Сербии и гегемонии на Балканах. Италия добивалась подчинения Триеста и Албании, участия в разделе Малой Азии, передела колониальных владений в Африке, установления итальянской гегемонии в Средиземном море. В Японии зрела стратегия владычества над всей Восточной Азией и прилегающей частью Тихого океана.

Широкие планы строили и в США. Сенатор Беверидж выразил довольно распространенное

в американских руководящих кругах мнение: «Бог... сделал нас искусными организаторами, призванными установить порядок в мире... Из всех рас он указал на американцев, которые должны в конечном счете привести к возрождению мира». Ставка тогда делалась на преимущественное влияние в Западной полушарии, а также на усиление проникновения в Китай [3].

Для России жизненно важные интересами и мотивами в войне в конечном итоге стали «содействие союзникам» в сокрушении агрессора и осуществление «вековых устремлений» к Провансу. При этом в правых кругах понимали, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, недопустимо, чтобы «победа досталась англичанам». Один из видных членов Государственного совета А. А. Римский-Корсаков указывал правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий» [6].

Фундаментальная подоплека стратегии России была связана с необходимостью радикального изменения ее статуса в мировой экономике. Поражения в Крымской и Русско-японской войнах, невозможность полноценного использования победы в Русско-турецкой войне отражали серьезное военно-техническое и экономическое отставание России от ее глобальных конкурентов. Эта слабость «переговорной позиции» находила выражение в дискриминационных условиях внешней торговли, привилегированном положении иностранных инвесторов, в финансовой и валютной политике. В официальных документах того времени существовал термин «данничество». Проблема хорошо осознавалась тогдашним военно-политическим руководством страны. Потребность в достижении фактического экономического и политического суверенитета была важнейшим мотивом российской стратегии. Она реализовывалась в итоге через трагедии участия в войне, революциях, Гражданской войне и строительстве «социализма в отдельно взятой стране».

Между тем, уже к началу века все «места под солнцем» были поделены основными империями. Границы этих «мест» обеспечивались не столько договорами метрополий с колониями, сколько реальным военно-промышленным потенциалом метрополий, их военно-морской и сухопутной мощью, сетью военных баз, достаточностью финансовых ресурсов и формированием экспансионистской идеологии и общественного мнения для функционирования всей этой имперской

инфраструктуры. Противоречия интересов и ожиданий отдельных игроков вели к формированию сложной системы союзных договоров между государствами, создавшей в конечном счете и международно-правовую неизбежность мировой войны двух коалиций держав.

Множащиеся примеры существенного влияния формально невоенных факторов силы (техники, науки, промышленности, искусства) на исходы военных конфликтов знаменовали необходимость в разработке новых концепций войны. Одним из следствий этих перемен стало изменение ожиданий и требований к разведывательной деятельности военных и невоенных ведомств, в том числе и к шпионажу, к его «объектам осведомления и влияния».

ЗАДАЧИ РАЗВЕДКИ

Шпионаж является важнейшим элементом разведывательной деятельности государств и организаций. Вне зависимости от нюансов правовых формулировок в разных странах, шпионаж — это нелегальный способ собирания сведений, составляющих государственную, военную, технологическую или коммерческую тайну иностранного государства или организации.

Собирание таких данных через открытые источники и в ходе исполнения официальных дипломатических функций относится к законной разведывательной (дипломатической и военно-дипломатической) деятельности. Она и в те годы велась в странах пребывания посольствами, консульствами, торговыми представительствами, регулировалась международными соглашениями и, как правило, не предполагала применения незаконных методов (похищение информации, подкуп источников и т.п.). Коммерческие организации также издавна ведут разведку, которая по большей части покрывается функционалом маркетинга и мегамаркетинга [7], охватывающего взаимоотношения бизнеса с государственными структурами. Шпионаж осуществляется как под прикрытием легальных структур, так и через проникновение и вербовку тайной агентуры внутри и вне иностранного государства. В законодательстве всех ведущих стран такая деятельность, как правило, является уголовным преступлением. В случае ее осуществления гражданами данного государства шпионаж квалифицируется еще и как государственная измена.

По характеру собираемых сведений шпионаж обычно разделяют на военный, политический,

экономический, коммерческий, промышленный и научно-технический. Относительное значение каждого вида шпионажа различно на разных этапах подготовки, ведения и окончания войны. Так, в условиях краткосрочной войны экономическая разведка не столь важна по сравнению с военной. Затягивание войны (война «на истощение») повышает сравнительную роль экономической разведки и шпионажа в отношении как противника, так и союзников.

В условиях XX в. все типы информации — военной, политической, технической, промышленной, торговой и экономической — стали еще более взаимосвязанными, чем прежде. Все аспекты созреваания неизбежности войны были предметом наблюдения, анализа, прогноза и оценки всех заинтересованных сторон грядущей войны, принятия ими соответствующих управленческих решений. Ресурсы дипломатических и военных ведомств сторон были нацелены прежде всего на пристальное отслеживание политики потенциальных противников и союзников, тщательное изучение наращивания ими своих сухопутных, военно-морских и авиационных сил, анализ структуры военной мощи, состояния военной промышленности, сельского хозяйства, дислокации войск, основ стратегии и тактики, пропускной способности железнодорожных и морских магистралей, способов связи, шифрования, дезинформационных мероприятий и т.п. В связи с потребностью в поставках военной техники, вооружений и различных материалов, а также с необходимостью их кредитования значительная часть информационных разведывательных задач была в сфере ведения финансовых министерств. Интернационализация революционной деятельности вызывала потребность в развитии инфраструктуры внешней политической разведки и сыска.

О приоритетах разведывательной деятельности явно свидетельствуют «вопросные листы», которые были перехвачены немецкой разведкой. Так, опросный лист французской разведки 1916 г. акцентировал ценность и точность указаний на источники сведений в области «политики, хозяйства, финансов и войск». Инструкция разъясняла, что под политическими сведениями имеются в виду «различия во мнениях партий, социалистическое движение, взгляды рейхстага и канцлера и политика последнего, планы, которые у него имеются и которые он мог бы провести в жизнь. Общее настроение, забастовки, восста-

ния. Отношения между союзниками: немцами, австрийцами, турками, болгарями. Пропаганда в неприятельских и нейтральных странах; мероприятия германского правительства в отношении последних... Под хозяйственными сведениями следует разуметь все общие данные, относящиеся к этой области. Всегда представляют интерес сообщения о рудниках, о государственных и частных заводах, о недостатке сырья, о заработной плате, о контрабандном ввозе в Германию провианта через нейтральные страны: Швецию, Голландию, Швейцарию. Финансовые сведения охватывают займы, балансы крупных банков, государственный золотой запас и т.п. Под военными сведениями следует понимать: расход и состояние войсковых частей, настроение в армии, вопрос о том, играли ли при смене в верховном командовании главную роль политические или стратегические соображения. Отношения между политическим миром и гражданскими элементами, с одной стороны, и командованием — с другой. Людские потери, материальные затраты на суше и на воде, большие переброски войск с одного фронта на другой... Один-единственный из перечисленных пунктов, тщательно обработанный, имеет большую ценность, нежели длинный доклад, содержащий лишь обычные рассуждения» [8].

В сентябре 1917 г. вопросник французскому агенту еще более сосредоточивается на политических данных: «1. Настроение в западном промышленном районе и в городах Кельн, Берлин, Лейпциг и Мюнхен. В частности, слышно ли что-нибудь о тайной революционной пропаганде, были ли уже арестованные или преданные суду за нее. 2. Верно ли, что в Познани был обнаружен большой польский заговор и что было арестовано много знатных поляков, в том числе — два депутата...» [8].

Круг информационных потребностей Лондона накануне войны был весьма широк: «Чтобы делать долгосрочные прогнозы, англичанам необходимо было знать, каково моральное состояние немецкого народа в целом; какой ущерб может нанести Германии экономическая блокада; как долго, по мнению немецких обывателей, продлится война; уверены ли немцы в победе; боготворят ли они по-прежнему кайзера; существуют ли какие-либо политические группировки, выступающие за скорейшее заключение мира; правда ли, что в стране производятся аресты за революционную деятельность; каких сырьевых ресурсов недостает; какое количество контрабандных товаров поступает

в Германию из третьих стран; каковы отношения между Германией, Австрией и Турцией» [9].

По свидетельству В. Николаи, «вопросные листы английского и французского хозяйственного шпионажа, ввиду их крупных размеров, не могут быть переданы. Они содержали самые подробные указания и вопросы по всем отраслям военной промышленности» [8].

Американские вопросные листы в то время в основном ориентировались на выяснение политической обстановки: «Рассчитывают ли немцы победить в войне? Думаете ли вы, что в Германии вспыхнет революция? Любят ли немцы своего императора?» Такие вопросы, очевидно, отражают весьма наивную, стартовую фазу возникновения американской внешней разведки.

Наиболее значимые объекты приложения разведывательной активности того времени лежали в области взаимоотношений непосредственных противников в довоенный и военный периоды, оценки их потенциалов и намерений. Однако формирование коалиций будущей войны заняло довольно длительный период, в рамках которого итоговый расклад по сторонам всемирной баррикады был вовсе не очевиден. Так, Япония, одержавшая верх в войне с Россией в 1904–1905 гг. при неявной поддержке некоторых британских и американских кругов, не стала союзницей центральных держав, как и Италия. А Великобритания или США вовсе не однозначно и заведомо могли оказаться в лагере «сердечного согласия». Это означало необходимость разведывательной работы по всем азимутам во всех ведущих государствах и соответствующего распределения разведывательных ресурсов (кадров и финансов). Лишь по мере приближения и развертывания открытого вооруженного противостояния были сформированы приоритеты разведывательной работы в основном против противника.

Но и во время войны, хотя между союзниками и существовали регламенты открытого обмена разведывательной информацией, их дипломатические и военные представители проводили также и собственные разведывательные мероприятия в странах пребывания, отнюдь не спеша ставить в известность о них своих партнеров. Достаточно указать на деятельность британского и французского послов в России или российских представителей в Париже, Лондоне или Вашингтоне. Соединенные Штаты вплоть до вступления в войну имели своих послов не только в Лондоне, Париже или Риме, но и в Берлине, и в Вене.

У каждой страны были свои приоритеты требований к разведке вообще и экономическому шпионажу в частности. В конечном счете, разведка подчинялась достижению главной стратегической цели государства. Наиболее показательной была организация разведывательной деятельности в Германии.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ШПИОНАЖА

Шпионаж под маркой торгово-промышленных фирм был основой всей системы немецкой экономической разведки. Еще в 1880 г. рейхстаг принял закон «О колонизационных кредитах» для нужд немецких предприятий, возникающих в иностранных государствах. Предоставление этих кредитов курировалось представителями генштаба. С 1907 г. германское казначейство должно было выдавать особые премии германским фирмам, открывающим свои отделения в России, а также в других странах. Кроме того, военное министерство имело и свои средства для финансирования наиболее «заслуженных» предприятий и торговых фирм. С 1905 г. Дойче Банк выделял беспроцентные ссуды на проведение «промышленно-торговых экспедиций» на исследования Северного Урала, Закавказья, Архангельской губернии и других регионов. Эти данные использовались и разведкой, и бизнесом для организации новых предприятий.

К началу войны «не было ни одной области промышленности в России, где бы немецкий капитал и руководящие им лица не играли бы выдающейся роли. Особенное внимание немцы обращали на электрическую, металлургическую, химическую промышленность, на добычу твердого и жидкого топлива и на лесную промышленность... Немцам принадлежали в России все химические заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, более половины металлургических и металлообрабатывающих заводов, почти половина текстильных предприятий...» [10]. Даже производство пороха сильно зависело от немецкого синдиката «Сиверс», который монополизировал торговлю чилийской селитрой и еще до войны тормозил разработку залежей селитры в России.

Размещение фирм и их подразделений проводилось по строго продуманному плану. В критически важных коммуникационных узлах и на базе или вблизи стратегически важных предприятий заведомо формировались организаци-

онно-кадровые структуры разведывательного контроля.

Основные задачи и пути, по которым должна была строиться деятельность немецких представителей в иностранных государствах, обсуждались еще в 1898 г. в Берлине на совещании представителей немецкой промышленности и торговли. Они сводились к следующему.

«1. Захват промышленности и торговли немцами и препятствование развитию туземной промышленности.

2. Захват государственных заказов, особенно военных, в руки немцев.

3. Выработка мероприятий, ведущих к уничтожению туземной промышленности в случае войны.

4. Проникновение германских промышленников и купцов во все правительственные учреждения.

5. Установление системы осведомления военного министерства немцами — промышленниками и купцами.

6. Выработка особых кредитов для возникновения и поддержки нужных для военных целей немецких предприятий в иностранных государствах» [10]. Аналогичные совещания проходили в 1903 и 1914 гг. По мере приближения войны в Берлине и Вене придавали все большее и большее значение так называемой «эмигрантской» промышленности и торговли «как органам военной и морской разведки».

Взаимодействие между официальными инстанциями Германии и бизнесом имело вполне директивный характер. В 1902 г. в Берлине комиссия рейхстага разработала указания заграничным немецким фирмам. Они предписывали следующее:

«1. Немецкие фирмы должны вести осведомительную службу в интересах Германии.

2. Фирмы в число своих служащих обязаны принять официальных агентов германского военного министерства.

3. Фирмы по предписанию окружного германского тайного агента, консула, посланника или специального эmissара обязаны исполнять все поручения германского правительства.

4. Фирмы, несущие такую «осведомительную» службу, должны, не опасаясь убытков, принимать подряды и поставки в крепостных районах, на железнодорожных магистралях и в важных стратегических и узловых пунктах.

5. Германское казначейство восстанавливает (так в источнике. — Прим. автора) все понесенные такими фирмами убытки.

6. Фирмы обязаны иметь свои конторы или представителей в тех городах, где находится посол, консул или вице-консул, для непосредственных сношений с этими правительственными агентами.

7. Фирмы должны следить за настроениями общества данной страны и за отзывами печати о Германии и сношениях с нею» [10].

Таким образом, речь шла о системной организации экономического шпионажа и необходимых нормативно-правовых условиях его осуществления. Ближе к началу войны и с ее развертыванием координация всех разведывательных и контрразведывательных задач была возложена на отдел III-b, который непосредственно подчинялся начальнику генштаба, подчиненному самому кайзеру.

Отдел во главе с В. Николаи стал прообразом центра стратегической разведки. Его видение места разведки в системе военного и государственного управления получило шанс на практическую реализацию: «ВГКА (Верховному главнокомандованию армии) нужна была разведывательная служба, которая не только сможет проникать через мощную преграду неприятельского фронта, держать под контролем экономические и политические процессы во вражеских странах, она должна была также объединять в интересах ВГКА все органы в армии и в государстве, которые получают разведданные» [8]. Стоит заметить, что в агентуру отдела были завербованы и информаторы из крупных германских промышленных концернов, и частных организаций и групп. Они помогали внешней экономической разведке, а также контрразведке.

В России, как и во Франции, Великобритании, Соединенных Штатах, была создана обширная германская агентура, пронизывающая все слои общества. Наиболее активную работу по выполнению разведывательных предписаний развернули фирмы «Зингер» и «Кунст и Альберс». Они занимались тщательным изучением потенциала страны.

Собирание сведений всероссийской сетью фирмы «Зингер» было поставлено на системную основу. Каждый агент компании «Зингер» обязан был изучить обслуживаемую им местность «во всех отношениях и представлять несколько раз в течение года особые списки населенных пунктов, включительно до мелких выселков, с точным указанием числа дворов и жителей этих пунктов. Руководители депо сводили эти данные, пользуясь, в частности, картами официального издания

Переселенческого управления...». Управляющие центральными отделениями, которые объезжали заведующих депо практически ежеквартально, имели карты издания военно-топографического отдела главного управления генерального штаба (!), на которых, согласно «Циркулярному письму варшавского генерал-губернатора начальникам губернских жандармских управлений о шпионской деятельности акционерного общества “Зингер”», отмечались «места квартирования представителей администрации, расположения войск, складов, железнодорожных узлов, сооружений... число жителей, количество войск, рабочих на фабриках и заводах и т.п.».

Похожую работу проводила и фирма «Кунст и Альберс». Так, 16 сентября 1914 г. во Владивостоке во время встречи с Даттаном, немцем, принявшим русское подданство, и одним из владельцев фирмы был задержан директор Путиловского завода Курт Орбановский, бывший германский подданный. Как указано в «Справке о шпионской деятельности торговой фирмы „КУНСТ И АЛЬБЕРС“ во Владивостоке», у него были изъяты: судостроительная программа с 1912 по 1930 г., технические условия на поставку предметов из никелевой стали, выдержки технических условий русского военного министерства за 1913 г., перечень материалов, необходимых для Ижевского завода, технические условия для поставки металлического антимона на Петроградский патронный завод. При аресте самого Даттана в 1915 г. и обыска у 54 служащих фирмы были найдены многочисленные документы, фотоаппараты, карты и планы укреплений и т.п. Однако за Даттана заступились министры Маклаков, Фредерикс и Гондатти, амурский губернатор, и он был подвергнут только ссылке.

Известность получила и агентурная сеть братьев Шпан. Их связи позволяли собирать информацию о военной промышленности России. Дошло до того, что в немецкой прессе была опубликована сугубо секретная программа русского военного судостроения до принятия ее на закрытом заседании Госдумы.

Удобные возможности для шпионажа давали разного рода объединения экспортеров и прочие «добровольные» сообщества. Только в Петербурге их было 19 с отделениями по стране. Так, председателем экспортеров сливочного масла в Сибири был В. Майман. В июне 1914 г. он сделал в Берлине и Вене «непрофильные» доклады «Война и беспомощность железнодорожных артерий

в России». Профессор Керберг в феврале 1915 г. прочел в Лейпциге публичную лекцию о слабости русской промышленности, иллюстрируя ее чертежами Путиловского, Коломенского, Сормовского заводов. Лекции указывают на характер «непрофильных» интересов этих лиц.

Ключевое значение для экономического шпионажа имела немецкая агентура в высших правительственных и военных учреждениях России. Атмосфера коррупции, разложения, нездоровой информационно-психологической среды позволяла решать разведывательные задачи зачастую «втемную». Но все-таки ключевой проблемой России и, соответственно, ключевой возможностью для немецкой разведки были не столько в традиционном смысле завербованные агенты на высшем государственном уровне, сколько «группы влияния», пронизывающие высшие эшелоны власти. В массовом же порядке с начала войны, согласно оценке департамента полиции России, для получения сведений из России использовали главным образом купцов, приказчиков, артистов и артисток, а также подростков и карточных шулеров [10].

Экономический и военный шпионаж во время войны сопровождался организацией саботажа и массовых диверсий в промышленности и на транспорте. Примеров этой подрывной работы много: массовые отравления работниц на резиновой фабрике в Петербурге, массовый падеж лошадей от сибирской язвы в Прибалтике, пожары и взрывы на военных заводах, складах и в морских портах, подрывы военных кораблей, саботаж и дезорганизация транспортировки военных материалов. В циркуляре департамента полиции от 8 июня 1916 г. отмечалось: «Характер происшедших... в различных местностях империи пожаров на военных предприятиях, на интендантских складах фуража и лесопильных заводах, а также взрывов на пороховых заводах и в поездах со снарядами и взрывчатыми веществами дает основание предположить, что некоторые из этих случаев являются не делом случаев, а злоумышлениями со стороны неприятельских агентов, на что указывает также и наблюдаемая планомерность в осуществлении этих злоумышлений» [10].

Операцию с провоцированием заговора и государственного переворота в России в 1917 г. можно считать жемчужиной подрывной работы германской разведки. Конкретные факты этой операции, поначалу сводившейся к «под-

держке революционной пропаганды в России», хорошо известны. Подготовкой плана операции руководил непосредственно Николай, одобрил «широкую политическую операцию на Востоке» начальник генерального штаба Людендорф. В финансировании операции приняли участие также немецкие и американские банкиры и промышленники, разделившие, таким образом, риски и ожидаемые выгоды. Любопытно, что разведки Антанты знали о фактах финансирования и самом этом плане, но оценивали его как невыполнимый. Правда, и Третье бюро распространяло дезинформацию, прикрывающую эту спецоперацию в России.

Эта «тайная операция» имела колоссальные экономические и геополитические последствия. Людендорф впоследствии признавался: «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог» [11].

Аналогично сети, развернутой в России, на единой германской нормативно-правовой и организационной базе, опираясь на «закон о двухподданстве», создавалась разведывательная инфраструктура Германии в других странах: работа под прикрытием торгово-промышленных и банковских фирм, опора на диаспору, вербовка и заведение агентуры влияния в высших правительственных сферах.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война ознаменовала множество изменений в характере межгосударственного силового противоборства. Мощь вооруженных сил великих держав стала критически зависеть от их научно-технического, промышленного и экономического потенциала и выстраивания коалиций с союзниками. Стратегия и тактика ведения войны в решающей степени опирались на качество информации как о потенциале, так и о намерениях сторон вести разведку «против всех окружающих стран». Соответственно, росло и значение разведывательной деятельности, превратившейся в итоге в один из ключевых институтов современного государства. Некоторые моменты эволюции разведывательной работы за время войны следует подчеркнуть особо.

Во-первых, сама подготовка к войне, ставшей для всех генеральных штабов не только ожидаемым, но и планируемым событием задолго до ее начала, потребовала усиления разведывательной инфраструктуры. Оно происходило за счет кратного увеличения финансирования и штаба, включая агентурный контингент; принятия нормативно-правовых актов; организационного реформирования; относительного роста значения экономической и технической разведки (особенно радиоперехвата, перлюстрации и криптографии). Экономическая разведка произрастала главным образом из опыта и потребностей разведки военной. При этом ни в одной стране не было единой национальной разведывательной службы, а осуществление, по существу, разведывательных задач велось множеством ведомств и учреждений, среди которых были, как правило, национальные аналоги МИДа, Минфина, Министерства почтовых дел. Активный интерес к делам разведки обычно выражали высшие руководители, хотя кое-кто из них проявлял некоторую брезгливость в отношении «шпионства». Это доходило до конъюнктурных и даже анекдотических попыток отказаться от агентурной работы или от услуг инициативных агентов.

Во-вторых, создание государственных институтов экономической разведки происходило в условиях фундаментальных сдвигов в мировой экономике, провоцирующих военные конфликты: передел колониальной зоны, борьба за превосходство в инвестициях, расчетах, торговле, технологиях, в доступе на рынки. Сами по себе эти темы являются скорее объектом статистического учета и научных исследований. Однако развитие военной промышленности, рост зависимости от поставок стратегического сырья, снаряжения и военной техники на фоне склонности государств и монополий к ограничению доступа конкурентов и извлечению монопольных прибылей создавали напряжение во взаимных ожиданиях, неопределенность в восприятии намерений, сложности с объективной оценкой данных. Особую ценность стали приобретать экономические данные о ключевых программах вооружения, прежде всего судостроения, артиллерии, боеприпасов, танко- и авиастроения. Но стратегическое значение имели и данные о продовольственных запасах, пропускной способности железных дорог, локомотивного и вагонного парка, тоннаже и трассах военного и торгового флота, а также секреты новых техно-

логий в сфере авиации, отравляющих веществ, локации, радио и т.п.

В-третьих, разведка, превратившись из вида преимущественно военной деятельности в систему организаций государственной и квазигосударственной (тайной) деятельности, в результате становилась социальным институтом, заинтересованным в расширенном воспроизводстве, в росте своего политического веса и влияния. В период Первой мировой войны начался процесс, завершившийся довольно скоро появлением необходимого для государства, но и во многом самостоятельного геополитического игрока. С окончанием Первой мировой войны судьба различных видов разведки отличалась по странам. В США и Великобритании штаты военной разведки были резко сокращены, в Германии практически полностью была парализована контрразведка, в России в процессе Гражданской войны и борьбы с интервенцией выкристаллизовались новые спецслужбы. Роль собственно государственной экономической разведки, обслуживающей интересы хозяйственной модернизации и внешней торговли, после войны заметно выросла в Советской России, Великобритании и Германии.

В-четвертых, практически повсеместно увеличению разведывательных ассигнований и штатов предшествовала кампания нагнетания шпионизма и духа националистического патриотизма в массовом сознании. Отчасти она отражала активизацию разведывательной и диверсионной работы противника, отчасти позволяла улучшить контрразведывательные возможности, но большей частью являлась инструментом социальной идеологической мобилизации.

В-пятых, внутри воюющих коалиций сложилось разделение «шпионского труда». В Антанте лидерство в области экономической разведки было за Великобританией, создавшей накануне войны также новые институты для этой цели. Британское первенство объясняется статусом валютного и торгового гегемона, обширностью имперских владений и протяженностью коммуникаций. Но экономическим шпионажем занимались и Франция, и Россия.

Организационно эта деятельность велась в основном в рамках военной разведки. Задачи военной и военно-морской разведки были распределены в соответствии с вовлеченностью стран в театры военных действий. Наиболее интенсивно политической разведкой занимались Франция и Россия. Для координации разведывательной

работы было создано союзное бюро в Париже. США, вступившие в войну в 1917 г., для сбора необходимых сведений до этого полагались на имеющиеся дипломатические и деловые контакты, но довольно быстро начали набирать необходимый опыт с началом военных действий. Однако последовавшая волна изоляционизма свернула работы по созданию современной системы разведки вплоть до 1940-х гг. Следует признать, что Германия наиболее системно проводила разведывательную и контрразведывательную работу.

В-шестых, во всех странах в условиях капиталистического строя было неявное и частично отрегулированное распределение ответственности за ведение экономической разведки между государством и бизнесом. Экономическая разведка крупных компаний во многом была всего лишь маркетингом. Но с ростом их мощи резко возросло значение мегамаркетинга как инструмента стратегического планирования, предполагающего влияние на правительство и общественное мнение. Это ярко проявилось в России в деятельности, например, военно-промышленных комитетов и роли ряда олигархических групп в осуществлении февральского государственного переворота. Это столь же ярко показали некоторые американские кланы, проводившие свою «внешнюю политику». Отдельный вопрос — производственная и финансовая кооперация, например, американских и немецких корпораций в ходе войны. Не менее существенная тема — кредитные и инвестиционные взаимоотношения между союзниками и противниками. Критически важный вопрос — поставки стратегических ресурсов, особенно нефти и нефтепродуктов, а также вооружений. Отмеченная в документах Экономического совещания союзников по Антанте в конце 1916 г. роль «частных интересов» в войне серьезно влияла на большую политику [12].

В-седьмых, оценка сравнительной эффективности разведок противников и союзников, безусловно, не может вестись в отрыве от конечной результативности войны. В конце концов, какой бы системной ни была работа немецкой разведки, Германия проиграла войну. Как бы ни были сравнительно наивны или ограничены в методах официальные власти США в организации шпионажа как такового, они оказались на победившей стороне. Однако стоит расширить временной горизонт оценки за пределы формального окончания войны, которая тоже была не финалом процесса, а одним из дебютных действий. Манифестированный этой

войной исторический процесс смены глобального гегемона и силовой конкуренции за экономическое лидерство завершился только с окончанием Второй мировой войны. Именно она показала, что как раз разведка является функцией от аргумента, а не наоборот, пусть и пытается иногда «хвост вилять собакой». А этим аргументом является совокупная мощь и положение страны в мире, в экономике, технологическом соперничестве,

инвестициях, торговле, валютных отношениях, не в последнюю очередь — роль в мировоззренческом противоборстве. Неслучайно так близки темы «яда шпионажа» и государственной измены. Разведка и тогда, и в дальнейшем становилась и в конце концов стала важнейшим инструментом «войны в мирное время». После окончания Первой мировой войны началось еще более интенсивное соперничество во всех областях разведки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев А.И. Смена гегемона: война и экономика. М.: ИНЭС, 2016.
2. Великая Отечественная война: В 12 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 12.
3. Первая мировая война: В 6 т. / под общей ред. С.К. Шойгу. М.: Кучково поле, 2015. Т. 3, Т. 5.
4. Clark C. The Sleepwalkers. How Europe went to war in 1914. Penguin books, 2013. P. 562.
5. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 годов. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960. С. 6.
6. Головин Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. М.: Айрис-Пресс, 2014.
7. Агеев А., Мэттьюс Р., Большаков З. Мегамаркетинг // Экономические стратегии. 2002. № 4.
8. Николай В. Тайные силы. Германская разведка и контрразведка в годы Первой мировой войны. М.: Принципиум, 2015. С. 524–525.
9. Найтли Ф. Шпионы XX века. М.: Республика, 1994. С. 35.
10. Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в Царской России. М.: Научно-издательский отдел Управления государственными архивами НКВД СССР, 1942. С. 9.
11. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М.: Центрополиграф, 2007. С. 188.
12. Сборник документов. М.: МИД РФ; Аквариус, 2014. С. 261–287.

REFERENCES

1. Ageev A.I. Change of the hegemon: war and economy [Smena gegemona: vojna i jekonomika]. Moscow, INJeS, 2016 (in Russian).
2. The Great Patriotic War [Velikaja Otechestvennaja vojna]: V 12 t. Moscow, Kuchkovo pole, 2015, vol. 12 (in Russian).
3. The First World War [Pervaja mirovaja vojna]: V 6 t. / pod obshhej redakciej S.K. Shojgu. Moscow, Kuchkovo pole, 2015, vol. 3, 5 (in Russian).
4. Clark C. The Sleepwalkers. How Europe went to war in 1914. Penguin books, 2013, p. 562.
5. Spiridovich A.I. The Great War and the February Revolution of 1914–1917 [Velikaja vojna i Fevral'skaja revoljucija 1914–1917 godov]. N'ju-Jork, Vseslavjanskoe izdatel'stvo, 1960, p. 6 (in Russian).
6. Golovin N. From the history of the 1914 campaign on the Russian Front [Iz istorii kampanii 1914 g. na Russkom fronte]. Moscow, Ajris-Press, 2014 (in Russian).
7. Ageev A., Mjet'juz R., Bol'shakov Z. Megamarketing [Megamarketing]. *Jekonomicheskie strategii — Economic Strategies*, 2002, no. 4 (in Russian).
8. Nikolai V. Secret forces. German intelligence and counterintelligence during the First World War [Tajnye sily. Germanskaja razvedka i kontrrazvedka v gody Pervoj mirovoj vojny]. Moscow, Principium, 2015, pp. 524–525 (in Russian).
9. Najtli F. Spies of the twentieth century [Shpiony XX veka]. Moscow, Respublika, 1994, p. 35 (in Russian).
10. Nikitinskij I., Sofinov P. German espionage in Tsarist Russia [Nemeckij shpionazh v Carskoj Rossii]. Moscow, Nauchno-izdatel'skij otdel Upravlenija gosudarstvennymi arhivami NKVD SSSR, 1942, pp. 9 (in Russian).
11. Ljudendorf Je. My memories of the war. The First World War in the notes of the German commander. 1914–1918 [Moi vospominanija o vojne. Pervaja mirovaja vojna v zapiskah germanskogo polkovodca. 1914–1918]. Moscow, Centropoligraf, 2007, p. 188 (in Russian).
12. Collection of documents [Sbornik dokumentov]. Moscow, MID RF; Akvarius, 2014, pp. 261–287 (in Russian).